

Майкл Терри

Лонвилль

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Т35

Терри М.

Лонвилль / Терри М. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 103 с.

ISBN 978-5-532-92986-9

Спустя двадцать лет с момента своего последнего визита, Мила Дункан снова приезжает в Лонвилль, чтобы проведать дядюшку, однако нигде не может найти его. Дом, в котором тот жил когда-то, кажется давно покинутым, а горожане, включая инспектора полиции, ведут себя довольно агрессивно, убеждают ее в том, что с дядюшкой все в полном порядке и требуют, чтобы она немедленно уехала из города. Несмотря ни на что, Мила остается и приступает к поискам.

Содержание

Пролог	4
1	7
2	16
3	19
4	27
5	33
6	35
7	40
8	45
9	52
10	55
11	64
12	68
13	77
14	85
15	90
16	94
17	98
Эпилог	101

Пролог

Десятилетняя Мила подняла свою белокурую головку к безоблачному летнему небу и, сильно прищурившись, попыталась рассмотреть ярко светившее солнце, но лишь еще сильнее зажмурила глаза. Солнечный свет обладает удивительной способностью затемнять зрение. Мила опустила голову и начала тереть глаза обеими руками, чтобы, как можно скорее, избавиться от вспыхивающих перед ней черно-красных пятен.

– Вообще-то, – внезапно раздался откуда-то сверху мягкий и слегка грустный голос дядюшки Томаса – старшего брата ее мамы, – на солнце нельзя смотреть незащищенными глазами, чтобы не лишиться зрения.

– Что значит – незащищенными? – спросила Мила, часто моргая и все еще не в состоянии увидеть дядюшку.

– Это значит, – все тем же спокойным тоном объяснил тот, – что нужно, как минимум, надеть очки с темными стеклами. У тебя еще вся жизнь впереди, ты ведь не хочешь смотреть на нее сквозь вечную черную пелену перед твоими прекрасными голубыми глазами и ничего не видеть?

– Совсем ничего?

– Совсем-совсем. Ни красоты окружающего мира, ни звездного неба над головой, ни прелести первых весенних цветов. Только черная, глубокая бездна перед глазами и больше ничего. Подумай, нужно ли тебе это, детка.

Мила, проморгавшись, наконец, и восстановив зрение, задумчиво посмотрела в добрые карие глаза дядюшки. Он стоял перед ней в своем любимом коричневом костюме и такой же темной шляпе с полями, а на его лице читалась едва заметная грустная улыбка. Интересно, подумала Мила, почему мама считает дядюшку Томаса странным, ведь он такой милый. И добрый. И он всегда очень хорошо относится к ней. Вот и сейчас он, дождавшись, когда зрение полностью вернется к Миле, выудил из кармана леденец на палочке и протянул ей. Она с радостью приняла подарок и поблагодарила

дядюшку, но он в ответ лишь неловко кивнул, словно не знал, что ответить на слова ее благодарности, а потом развернулся и пошел к дому.

– Дядюшка, – окликнула Мила его, облизнув леденец. – Почему ты живешь один?

Он остановился и повернулся к племяннице, посмотрев на нее так, словно этот вопрос застал его врасплох, а потом в задумчивости почесал подбородок.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я просто удивляюсь, почему ты живешь один, – Мила пожалала плечами и приложила руку козырьком ко лбу, защищая глаза от солнца и получше рассматривая дядюшку. – Разве тебе не одиноко?

– Я... – он внимательно посмотрел на Милу и запнулся, раздумывая над ответом. Через мгновение он кашлянул, посмотрел по сторонам и сказал негромко, как будто боялся, что кто-то может услышать его. – У меня ведь есть ты. И твоя мама.

– Но ведь мы приезжаем всего раз в году. Скоро мы вернемся в Нью-Йорк, и ты снова останешься один на целый год. Мне так жаль тебя...

– Я в полном порядке, – дядюшка грустно улыбнулся и подмигнул ей. – Не переживай об этом, детка.

– Урод! – послышался вдруг с улицы крик.

– Шизоид! – раздался еще один возглас, а потом дружный смех.

Повернув головы в сторону криков, они увидели двоих проезжавших по тротуару на велосипедах подростков. Показав дядюшке неприличный жест правой рукой, мальчишки рассмеялись еще громче и умчались дальше. Мила с изумлением посмотрела им вслед, а потом перевела взволнованный взгляд на дядюшку:

– Почему они позволяют себе делать такие ужасные вещи?

Дядюшка, который до этого момента тоже с грустью смотрел вслед удаляющимся мальчишкам, тоже перевел взгляд на Милу и пожал плечами, а в его глазах мелькнул гнев:

– Иногда люди ведут себя именно так.

– Но почему же?

– Ты знаешь... Люди недалеко ушли от животных.

– Что ты имеешь ввиду?

– Я говорю о том, – дядюшка снова посмотрел в ту сторону, куда уехали мальчишки, – что люди ходят в церковь, притворяются хорошими, осуждают преступников и убийц, но сами никогда не упустят возможность сделать плохо тому, кто не в состоянии дать сдачи.

– Разве ты не можешь дать им сдачи?

– Дав им сдачи, я все равно ничему не научу их...

Мила опять ничего не поняла и открыла рот, чтобы снова спросить дядюшку, что он имеет ввиду, но тот догадался об этом и произнес:

– Ты поймешь, что я имею ввиду, когда станешь взрослой.

– Мне так жаль тебя, дядюшка... – Мила подошла к нему и прижалась к его ноге всем телом.

– Не переживай об этом, детка, – грустно ответил дядюшка и погладил ее по голове своей сухой и теплой рукой, а потом спросил. – Тебе понравился леденец?

– Не в леденце дело, дядюшка, – чуть не плача ответила Мила и еще сильнее прижалась к нему. – Я очень хочу, чтобы ты был счастливым...

(двадцать шесть лет спустя)

Заглушив двигатель, Мила откинулась назад, закрыла глаза и прислушалась к тишине. Мотор, который гудел всю ночь напролет, эхом еще отдавался где-то в глубинах ее головы. Она вдруг почувствовала навалившуюся на нее за ночь усталость и мысленно сказала себе, что именно это, наверное, и является первым признаком приближающейся старости. Заставив себя открыть глаза, чтобы не уснуть прямо в водительском кресле, Мила с интересом оглядела пустынную площадь Лонвилля. Первые лучи солнца только-только вышли из-за крыш двухэтажных домов, окружавших площадь, и возвестили Милу о начале нового дня. Она посмотрела на часы и убедилась, что уже почти семь часов, а потом еще раз огляделась по сторонам и усмехнулась, не видя никаких признаков жизни на улице. Бостон в такое время уже кишит спешащими куда-то людьми и сигнализирующими, застрявшими в пробках автомобилями, похожий на большой шумный муравейник, но здесь... Лонвилль, по-прежнему, оставался Лонвиллем. За те двадцать лет, что она не была в этом тихом, гостеприимном и очень уютном городке, он совсем не изменился.

Мила взяла в руки мобильник и убедилась в том, что сигнал сети полностью отсутствует, поэтому слегка раздраженно кинула его обратно в сумочку. Она не ждала ни от кого звонка сегодня, но современный человек привык к сотовому телефону так сильно, что, оказавшись без связи, испытывает примерно те же чувства, что испытывал древний охотник, оказавшийся невооруженным перед голодным львом.

Мила решила не сразу идти к дядюшке, чтобы не свалиться ему как снег на голову в столь ранний час. Пусть он проснется и приведет себя в порядок, а потом уже я заявлюсь, так она рассудила. Последний раз они виделись ровно двадцать лет назад, когда ей было шестнадцать и она доучивалась в школе. Интересно, каким он стал? Она помнила его нелюдимым и замкнутым человеком с добрыми глазами и грустной улыбкой на лице. Он всегда носил коричневый костюм и

занашивал его до тех пор, пока тот не начинал блестеть от въевшейся в него грязи и насквозь не пропитывался потом и другими запахами, и лишь тогда, когда неприятный аромат от дядюшки тянулся за ним плотным шлейфом, он относил его в химчистку, чтобы достать из шкафа точно такой же коричневый, но пока еще чистый костюм и надеть его на себя еще на полгода. Дядюшка никогда не отличался особой любовью к опрятности и чистоте, чем очень сердил свою сестру – маму Милы, и вызывал насмешки и издевки окружающих. На чистоту одежды он не обращал никакого внимания и искренне считал это ерундой, которой не стоит лишний раз забивать себе голову, учитывая тот факт, что всего каких-то сорок тысяч лет назад люди носили на себе шкуры животных и совсем не переживали об отсутствии химчисток, но ничего – мир выстоял. Ботинки дядюшки не знали, что такое чистящий крем, он преданно носил одну пару обуви по несколько лет, и менял их только тогда, когда они, насквозь пропитанные пылью и грязью, с начисто стертым каблуком начинали разваливаться прямо на его ногах.

Несмотря на все это Мила очень любила его, когда была маленькой, ведь он всегда был очень добр к ней, но со временем их пути разошлись. Она окончила школу, переехала в Бостон и поступила в колледж, потом в университет, после окончания которого приступила к медицинской практике врача-акушера. Жизнь закрутилась в делах и заботах, а на воспоминания о дядюшке совсем не оставалось времени. Только мама беспокоилась о нем и исправно навещала каждый год. Они были родными братом и сестрой и оба родились в Нью-Йорке, где у их отца с матерью имелась в собственности небольшая парикмахерская в Северном Манхэттене. Томас рос умным, способным, но очень застенчивым и замкнутым мальчиком. Большим шумным компаниям он предпочитал чтение книг и познавательных журналов в одиночестве. Обладая кротким и спокойным характером, он, в то же время, сторонился заводить новые знакомства и не поддерживал никаких отношений даже с коллегами по работе, с противоположным полом его дела обстояли не лучше. В двадцать с небольшим лет, будучи работником метрополитена, он уволился, продал небольшую квартиру в Бруклине, закрыл скромный счет в банке,

доставшийся ему от покойного отца и перебрался жить в Лонвилль. Мама никогда не понимала и не одобряла этого решения и, навещая его каждый год, она всеми силами уговаривала его вернуться обратно и не прозябать в отдаленном сонном городке, но дядюшка был непреклонен. Он говорил, что именно в Лонвилле чувствует себя по-настоящему счастливым и предпочитает тишину собственного сада шумным улицам Нью-Йорка.

Но Мила после окончания школы больше не составляла компанию маме в этих поездках. Она так увлеклась собственной жизнью и заботами, что даже забывала передать дядюшке привет или какой-нибудь дешевый сувенир из Бостона, а одна только мысль о поездке в Лонвилль, чтобы проведать своего странноватого дядюшку, вызывала на ее лице легкую брезгливую улыбку. Мамы не стало почти десять лет, болезнь забрала ее слишком рано и с тех пор Мила не слышала о дядюшке ровным счетом ничего. По правде сказать, направляясь в Лонвилль, она даже не знала, жив ли он еще.

Вынырнув из воспоминаний и грустно вздохнув, Мила почувствовала, что ей просто необходимо выпить хоть немного горячего кофе, чтобы взбодриться, а заодно предаться воспоминаниям о том, как в детстве они с мамой гуляли по тихим, чистеньким, милым улочкам этого замечательного городка или о том, как дядюшка с грустной улыбкой вручал ей очередной леденец, когда она играла на заднем дворе или на передней лужайке перед его домом.

Интересно, оказалась бы она в Лонвилле, если бы не тяжелый развод с мужем? Поздний брак не принес ей счастья и через шесть лет мучений и взаимных претензий, развалился сам по себе, требуя от супругов лишь документального подтверждения окончания своего существования, что и произошло на прошлой неделе. Детей они завести не успели, поэтому, оставшись совершенно одна, Мила почувствовала себя очень одинокой и впервые, пожалуй, за последние двадцать лет вспомнила о дядюшке. Ей не столько хотелось навестить его, сколько просто переключиться, отвлечься и побыть некоторое время где-нибудь на краю земли, вдали от забот. Лонвилль казался для этого идеальным местом. Она посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида и с некоторым сожалением заметила

мелкие, едва заметные морщинки у глаз. Интересно, подумала она, эти морщинки появились благодаря бессонной ночи, проведенной за рулем, или я просто старею?..

Мила почувствовала вдруг легкое головокружение и поскорее, чтобы не уснуть прямо в машине, открыла дверь и с великим наслаждением вышла на прохладный утренний воздух, а потом потянулась и зевнула. Проведя последние десять часов за рулем, она только сейчас, выпрямившись в полный рост, почувствовала, как сильно затекло ее тело. Протерев лицо быстрыми короткими движениями ладоней вверх-вниз, Мила еще раз оглядела небольшую площадь со сквериком в центре, и улыбнулась, убедившись в том, что за двадцать лет, прошедших с тех пор, как она была здесь в последний раз, в Лонвилле ничего не изменилось. Осознавать это ей было очень приятно, по крайней мере, она не чувствовала себя здесь чужой. Здорово, что в мире еще есть место, которое знакомо с ранних лет, и что оно остается точно таким же, каким и было, словно ты просто отмотал время назад и вернулся в беззаботное и беспечное детство. Разглядывая маленькие аккуратные домики вокруг площади, в каждом из которых располагался какой-нибудь, пока еще закрытый, благодаря раннему часу, небольшой магазинчик или аптека, Мила не могла не улыбнуться еще раз – все точно так же, как было двадцать лет назад, будто она сделала шаг назад во времени. Лонвилль, судя по всему, как и любой другой маленький отдаленный городок, владел искусством сопротивления изменениям в жизни остального мира.

– Доброе утро, – раздался рядом чей-то приятный бас.

Мила обернулась и с некоторым удивлением посмотрела на мужчину средних лет, который, широко улыбаясь, шел мимо по тротуару.

– Доброе утро, – ответила она, но было слишком поздно, мужчина уже скрылся в маленьком переулке.

Все еще чувствуя легкое головокружение, Мила повернулась и задумчиво направилась через площадь к домикам с магазинчиками, с интересом оглядываясь по сторонам. Она так отвыкла от того, что незнакомые люди могут быть вежливыми и дружелюбными. Незнакомцы в маленьких городках более общительны и дружелюбны,